

Имплицитные уподобления как проявление ценностных ориентиров автора в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»

Ли Яньфэн

*Гуансиский медицинский университет; Новосибирский государственный педагогический университет
Наньнин, КНР; Новосибирск, Россия*

Аннотация

На фоне явных способов выражения сравнений в их широком понимании (как конститuentов функционально-семантического поля компаративности) рассматривается опосредованное присутствие уподоблений, «мишенью» которых являются персонажи романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» и соотнесённые с ними знаковые обстоятельства изображаемого времени. Показано, как имплицитно выраженные в романе сравнения по сходству отражают идиостилевые особенности автора, склонного к детализированному и нередко завуалированному выражению резкого неприятия сторонников большевистской идеологии, защищающих лженаучные «достижения» времён советской власти. Выявлены способы представленности содержательно-подтекстовой информации в контекстах с неявно выраженными уподоблениями, а именно: использование алогизмов, аллюзий, метафоро-метонимических употреблений, антонимов, оценочной энантиосемии, «образцов» советской риторики с «модусом важности», словесной игры на ассоциативно-деривационной основе.

Описанию неявных уподоблений в языке романа Л. Улицкой предшествует краткое объяснение структуры функционально-семантического поля компаративности в русском языке по В. П. Беркову [1996], места в этом поле метафоры (как опосредованного сравнения по сходству). Представлены формы выражения явных компаративов и немаркированные компаративы (творительный и родительный уподобления, именной компаративный предикат), которые находятся на границе между традиционно понимаемым сравнением и метафорой, определено отличие метафоры от этих синкретических форм компаративности.

Ключевые слова

уподобления как сравнения по сходству и метафоры, функционально-семантическое поле компаративности, компаративные подтексты, роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»

Для цитирования

Ли Яньфэн. Имплицитные уподобления как проявление ценностных ориентиров автора в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 22–30. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-22-30

Implicit Assimilations as Manifestation of the Author's Values in the Language of the Novel “The Kukotsky Enigma” by L. Ulitskaya

Li Yanfeng

*Guangxi Medical University; Novosibirsk State Pedagogical University
Nanning, China; Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Against the background of explicit ways of expressing comparisons in their broad understanding (as constituents of the functional-semantic field of comparativeness), this article considers the indirect presence of assimilations, the "target"

© Ли Яньфэн, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

of which are the characters of L. Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma* and the related signed circumstances of the time being depicted. It is shown how comparisons by similarities implicitly expressed in the novel reflect the idiosyncratic features of the author, inclined to the detailed and often veiled expression of the severe aversion of the supporters of the Bolshevik ideology that defends the pseudoscientific "achievements" of the times of Soviet Power. The ways of representing content-subtext information in contexts with implicitly expressed assimilations, that is: the use of analogisms, allusions, metaphor-metonymic uses, antonyms, evaluative enantiosemia, "samples" of Soviet rhetoric with the "modus of importance", verbal play on the associative-derivational basis.

The description of implicit assimilations in the language of the novel by L. Ulitskaya is preceded by brief explanations of the structure of the functional-semantic field of comparativeness in the Russian language, according to V. P. Berkov [1996], and the position of metaphors (as a mediated comparison by similarity) in this field. The article presents the forms of expressions for explicit comparatives and non-labeled comparatives (instrumental and genitive assimilations, nominal comparative predicate). Non-labeled comparatives are on the boundary between traditionally understood comparison and metaphor; the differences between metaphor and these syncretic forms of comparativeness are also identified.

Keywords

assimilations as comparisons by similarities and metaphors, functional-semantic field of comparativeness, comparative subtexts, Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma*

For citation

Li Yanfeng. Implicit Assimilations as Manifestation of the Author's Values in the Language of the Novel "The Kukotsky Enigma" by L. Ulitskaya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 22–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-22-30

Наблюдая формы уподоблений, «мишенью» которых являются персонажи в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», мы исходим из широкого взгляда на сравнение, который закрепился с изучением функционально-семантического поля (ФСП) компаративности [Гулыга, Шендельс, 1969. С. 5–17; Скворецкая, 1991. С. 26–36; Берков, 1996. С. 107–160; Петроченко, Федеряева, 2006. С. 45–51 и др.]. Компаратив (от лат. *comparativus* 'сравнительный'), как составляющая этого поля, понимается широко, т. е. учитываются все формы выражения сравнения по сходству и по различию, маркированные и не маркированные показателями сравнения (ср. узкое понимание термина «компаратив», соотнесённое только с формами сравнительной степени прилагательных, т. е. со сравнениями по различию).

Описание «плана выражения» и «плана содержания» текстовых компаративов в широком понимании не игнорирует, однако, традиционно установленного разделения сравнения как синтаксической конструкции и стилистической фигуры, отражающих соположение сопоставляемых представлений, понятий, и метафоры как лексико-семантического явления, отражающего наложение двух сопоставляемых явлений (с его «семантической двупланностью» [Арутюнова, 1997. С. 235] – восприятие одного явления через призму другого). При этом для нашего анализа значимы компаративные структуры, совмещающие признаки и сравнения, и метафоры, например, творительный уподобления (типа *нос у неё картошечкой*) [Улицкая, 2015. С. 112].

Полная содержательная структура компаратива отражает соотношение предмета сравнения, эталона (образа) сравнения и признака сходства или различия. Последнее соответствует наличию в ФСП компаративности двух микрополей – равенства (сходства, уподобления) и неравенства (различия) [Берков, 1996. С. 109]. При употреблении метафоры, «закономерно относящейся к случаям равенства» [Берков, 1996. С. 109], занимающей периферийное положение в микрополе компаративного равенства, обычно вербализуется только образ сравнения по сходству, а предмет и основание уподобления имплицитно растворены в окружающем контексте. Уподобления при помощи метафорического переноса часто сближают очень далёкие по смыс-

лу представления, т. е. приблизительное равенство в этом случае выражается усложненно, иногда настолько парадоксально, что его нелегко перевести в более прозрачный по смыслу сравнительный оборот (*червь сомнения, змея воспоминаний, тяжёлый человек*).

Содержательные типы компаративов, по В. П. Москвину [Москвин, 2012], выделяются либо по «дополнительному субъекту», т. е. по образу сравнения – природоморфные, антропоморфные, социоморфные, артефактные [Чудинов, 2001], либо «по основному субъекту» – предмету сравнения, например, гендерно маркируемые сравнения – когда мишенью образа сравнения являются женские или мужские персонажи в тексте [Резанова, Комиссарова, 2012. С. 80–90].

«План выражения» сравнений по сходству и метафор, как представителей компаративов в широком понимании, соотносится со способами их выражения, т. е. внешними структурами. Рассмотрим это на примерах из текста романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Так, на синтаксическом уровне компаративы по сходству выражаются прежде всего союзами и предлогами: *На последнем повороте к дому Тома остановилась, как маленькая коза, и заявила твердо...* [Улицкая, 2015. С. 152]; *Радовалась и Таня – Тома заняла в её жизни особое место, что-то вроде говорящей собачки, о которой надо заботиться* [Улицкая, 2015. С. 105]. Особым синтаксическим способом выражения сравнения в широком понимании являются именные компаративные предикаты, которые имеют несколько разновидностей: а) вводятся при помощи модальной сравнительной частицы *как* (*Явь и сон – как лицевая и изнаночная сторона одной ткани* [Улицкая, 2015. С. 132]; б) включаются полузнаменательными лексическими показателями сопоставления – «предикатами подобия» [Арутюнова, 1997. С. 234] (прилагательными *похож, подобен* или глаголами *походить, казаться, оказаться, напоминать* и др.: *Девочки, от которых она ждала дружбы, оказались злыми обезьянами* [Улицкая, 2015. С. 50]); в) включаются без помощи показателей уподобления: *Елена знала, что Василиса – ранняя птичка и свое молитвенное бормотание начинает среди ночи* [Улицкая, 2015. С. 23]. К этой разновидности примыкают структуры, которые вводятся при помощи отрицательной частицы, обозначая одновременно и уподобление, и «отрицательное противопоставление» [Арутюнова, 1997. С. 234]: [*Василиса*] *надо с Томочкой-то решать... Не щенок, не кутёнок* [Улицкая, 2015. С. 104].

Именной компаративный предикат может быть выражен формой творительного падежа: *Грудастая Коза рядом с ней казалась воробышком, и тётка сразу же прониклась к ним снисходительной нежностью* [Улицкая, 2015. С. 403]; *Илья Иосифович (ученый-гинеколог. – Л. Я.) был и пахарем, и певцом* [Улицкая, 2015. С. 348]. Эти формы омонимичны творительному уподобления, который, однако, зависит от полнозначного глагола: *Таня серой тонкой птицей порхала вокруг стола* [Улицкая, 2015. С. 445]. Используется немаркированный родительный уподобления, например: *Мелкая вибрация, которая поначалу едва ощущалась и была только слабым фоном, усилилась, приняла форму завитой ракушки* [Улицкая, 2015. С. 140], т. е. *стала походить на завитую ракушку*. Родительный и творительный уподобления, а также немаркированные показателями уподобления именные компаративные предикаты совмещают признаки сравнения и метафоры. Эти синкретичные структуры (а также и сама метафора) не являются специализированными компаративами, потому что не имеют явных маркеров уподобления. Можно говорить о словообразовательном способе обнаружения сравнения по сходству: *Тома разбудила Таню очень рано. Она всегда просыпалась по-деревенски легко* [Улицкая, 2015. С. 153], т. е. *как просыпаются в деревне*.

В данной статье мы фокусируем внимание на тех имплицитных уподоблениях (сравнениях по сходству и метафорах) в языке романа Л. Улицкой, которые, обладая концептуальными

ми и подтекстовыми смыслами, обнаруживают ценностные ориентиры в картине мира автора и нередко считываются со знаком «минус».

Используя имплицитные уподобления для создания некоторых женских образов, писательница опосредованно передаёт не только своё негативное отношение к изображаемой героине, но и выражает резкое неприятие к тому явлению, с которым ассоциируется данный феминный тип. Например, описывая женщину-министра по здравоохранению с метафорическим фамильным прозвищем *Коняга*, намекающим на мужеподобность этой «дамы», преданной советской власти, автор гиперболически характеризует её: *Министром здравоохранения в то время сидела немолодая женщина, опытная чиновница, партийная от пегой маковки до застарелых мозолей*, к тому же – *единственная женщина в правительстве* [Улицкая, 2015. С. 35]. Что значит *пегая маковка*? Насмешливую характеристику, включающую метафору *маковка*, можно заменить формой превосходной степени сравнения с ироническим подтекстом: *самая что ни на есть партийная*.

Пегий. О масти животных, об оперении птиц: пятнистый, пёстрый. *П. жеребец. П. кобель. П. (чёрно-п., красно-п.) голубь; маковка*. То же, что и *макушка* (разг.). *В долгах по маковку* (перен.) [Ожегов, Шведова, 1992]. *От пегой маковки до застарелых мозолей* – то есть от самой макушки сидящих волос до застарелых мозолей ладоней, пальцев. Автор намекает на устойчивые обороты, обозначающие наивысшую степень проявления количественного признака (Ср.: *от головы до пяток; до кончиков ногтей*). Например: *От головы до пяток на всех московских есть особый отпечаток* (А. С. Грибоедов). Вместо слова *голова* используется метафора *маковка* (= самая верхняя часть головы), чтобы ещё больше метафорически подчеркнуть наивысшую степень партийности героини. Прозвище женского персонажа – *Коняга* (ср.: *работяга* (сочувственно-уважит.), *доходяга* (пренебрежительно-сочувств.), *симпотяга* (одобрит.), *деляга, стилиага* (осуждающе)), кроме иронического подтекста, подчеркивает поглощенность чиновницы нелёгкой работой, но выражение сочувствия (как, например, в одноименном рассказе М. Е. Салтыкова-Шедрина о старом, изработавшемся мерине) здесь отсутствует.

Авторская ирония по отношению к данному персонажу считывается в следующем подтекстовом уподоблении (вместе с метонимическим использованием названия праздника *8-е Марта*): *Несомненно, она и была главной женщиной страны, символом женского равноправия и воплощенным Восьмым Марта, если не считать мифологических Розы Люксембург, Клары Цеткин, Зои Космодемьянской и вечно юной Любови Орловой. Что характерно, все они, включая и саму Конягу, были бездетными...* [Улицкая, 2015. С. 35]. Происходит шутовское приравнивание этой «опытной чиновницы», которая далее уподобляется «слепоглухонемой», к громким, непререкаемым в советское время женским символам. Ироническое замечание автора (*Что характерно, все они, включая и саму Конягу, были бездетными...*) как бы подтверждает *слепоглухонемость Коняги* по отношению к тому, о чём хлопочет главный герой, – о продвижении в министерстве здравоохранения решения вопроса, связанного с деторождением и материнством.

Проект женского доктора, академика Кукоцкого, слишком радикальный, по мнению *Коняги* и её окружения, требовал огромного финансирования, а главное – риска. *«Нечеловеческая чуткость» «слепоглухонемой» Коняги* проявлялась в этой ситуации не к женщинам, которые страдали и умирали от криминальных аборт, а к *«более высоким сферам»* – *«настроениям начальства»*: *Она своим нюхом чуяла, что государственный интерес в текущем моменте лежал никак не в области акушерства и гинекологии, и даже не материнства и детства, а в иных, более высоких сферах* [Улицкая, 2015. С. 37]. Негативное отношение автора к персонажу здесь передаётся устойчивым разговорно-просторечным метафорическим зоообразом *своим нюхом чуяла*, а также при помощи клишированных словосочетаний с модусом особой

политической значимости (*государственный интерес, высокие сферы*), «модусом важности» [Трипольская, 1992. С. 27–33].

Коняга тормозила <...>, и её чуткое сердце предпочитало повременить [Улицкая, 2015. С. 37]. Метонимико-метафорическая основа предложения (*её чуткое сердце предпочитало*) включает здесь противоположный смысл (проявляется контекстуальная оценочная энантиосемия): ведь устойчивое выражение *чуткое сердце* обычно используется со знаком «плюс». Далее, при помощи прилагательного *нечеловеческая* степень этой саркастической коннотации повышается: *Во многих отношениях слепоглухонемая, Коняга обладала нечеловеческой чуткостью к настроениям начальства, которые она понимала как государственный интерес* [Улицкая, 2015. С. 37].

Скрытый сарказм, как ещё один сигнал о ценностных ориентирах языковой личности писателя, насчёт общепринятого стандарта советской риторики («*Под руководством...*») проявляется в имплицитном компаративе *заклинательное начало* (считывается: *это было как заклинание, обеспечивающее успех говорящего, пишущего*). Например: *Потратив больше года на бесплодные переговоры с министром, он [Кукоцкий] совершил, в конце концов, поступок, по понятиям чиновничьим и военным, неэтичный: написал официальное письмо в ЦК партии, на имя члена Политбюро Н., ведающего социальными вопросами. Поверх головы министра здравоохранения... Письмо в соответствии с общепринятыми стандартами содержало заклиательное начало «Под руководством...», но написано было безукоризненным старомодным языком, с четкой аргументацией и убийственной в прямом и переносном смысле статистикой* [Улицкая, 2015. С. 39]. Замечание автора о *чёткой, убийственной аргументации письма* позволяет внимательному читателю сопоставить это с *заклинательным началом* – не в пользу второго (а также подумать: «Что *этичнее* в представленной ситуации?»). «*Безукоризненному старомодному языку*» письма Кукоцкого, несомненно, отдаётся предпочтение, по сравнению с «*общепринятыми стандартами*».

Уподоблением высокого социального статуса чиновника *олимпийскому восхождению* (ср.: «олимпийские награды») писательница подчеркивает свое резкое неприятие людей, вершивших судьбами талантливых представителей науки в советское время: *Бывший высокий партийный чиновник, совершивший своё последнее олимпийское восхождение – дальше уж было некуда, – до самой своей смерти, вскоре и последовавшей, считал себя благодетелем рода человеческого <...>* [Улицкая, 2015. С. 160]. Злая авторская насмешка сказалась и в цепочке взаимообусловленных словосочетаний: *дальше уж было некуда; до самой своей смерти, вскоре и последовавшей*.

Благодетель рода человеческого (со знаком «минус») *монархически* произнес: «*Мы ознакомились с вашим письмом...*» [Улицкая, 2015. С. 39]. Оказиональное компаративное наречие *монархически* иронически сближает темпорально не совпадающие статусы: *партийный начальник* и *монарх*. Убийственные компаративные характеристики *партийного начальника* сопровождаются использованием антонимов, опосредованно подчеркивающих реальную ничтожность *благодетеля рода человеческого*, однако подобные люди – и внешне в представлении автора незначительные – были первыми людьми в стране. Например: *В длинном неуклюжем кабинете, за огромным письменным столом сидел маленький человек с отёчным лицом, вылепленным из сухого мыла, – одно из тех лиц, что колыхались на первомайских портретах под весенним ветерком* [Улицкая, 2015. С. 39]. Далее идёт насмешливое замечание об этом чиновнике, обозначенном метафоро-метонимической номинацией: *Мыльное лицо, как ни странно, оказалось впечатлительным, и через несколько месяцев после смерти вождя проект о разрешении абортов был рассмотрен и обсуждён* [Улицкая, 2015. С. 160]. *Впечатлительность* чиновника связана с тем, что его ужаснула «злосчастная банка», при-

везённая Кукоцким, – с заспиртованной разорванной маткой женщины, погибшей от криминального аборта.

В романе Л. Улицкой саркастически уподобляются друг другу идеологически освещенные и поощряемые в советское время «открытия», о которых говорится якобы с пафосом, но аллюзивные вкрапления (*по иучьему велению; с помощью учения Маркса-Энгельса; все манипуляции кнута и пряника*), явные алогизмы, стилистические несогласования позволяют считать ложность «открытий», создают юмористический эффект: *Академик Опарин, например, уже объяснил, каким образом живая материя произошла от неживой посредством электрического разряда, вышибаемого с помощью учения Маркса-Энгельса в сторону первичного бульона из идеологически верных молекул белка. Другой академик, Лысенко, почти подчинил природу своему иучьему велению, и она уже твердо обещала ему адекватно реагировать на все манипуляции кнута и пряника. Третий академик писал, что всемирно известная женщина Лепешинская без пяти минут как победила старость и без десяти – самое смерть* [Улицкая, 2015. С. 37].

Насмешливо представлены олицетворения *атома, рек, медицинской науки*, а также ассоциативные сближения (*расцветала и бессмертный букет*); присутствует игра (отражающая горькую иронию) однокоренных слов *впоследствии* и *под следствием* (намёк на очередную репрессию), а также саркастическая аллюзия *мудро улыбался* (срывается мифологическая маска с *вождя всех времен и народов*): *Атом уже согласился стать мирным, реки были готовы течь куда следует, а не куда им заблагорассудится. Советская наука, и медицинская в частности, и без отмены злосчастного указа расцветала, а великий вождь всех времен и народов, сунув левую парализованную за пазуху, деятельной правой принимал бессмертный букет из рук белокурой девочки, впоследствии и под следствием оказавшейся еврейкой, и мудро улыбался...* [Улицкая, 2015. С. 37].

Характеризуя Василису при помощи метафоро-метонимической перифразы *средневековая душа* и метафорического фразеологизма *клюнуть на крючок*, в соединении со словом *сюрприз* (в значении «неожиданность»), автор, через главного персонажа, в подтексте с горечью выходит на проблему слепой веры простых, малообразованных людей, которые якобы живут с Христом, но у них *нравственного понятия нет ни малейшего* (по отношению к господствующей идеологии): *Но самый большой сюрприз ожидал Павла Алексеевича в собственном доме – Василиса Гавриловна, истинный и убежденный ненавистник советской власти, впервые в жизни клюнула на её крючок: идея тайных врагов, хитроумных врачей, евреев-колдунов нашла отзвук в ее средневековой душе. Складывалась общая картина жизни: евреи сделали революцию, убили царя, разорили церковь. Чего же еще ожидать от тех, кто Христа распял?* [Улицкая, 2015. С. 145].

Словари не единодушны в порядке расположения значений слова *сюрприз* и не акцентируют его отрицательную оценку, очевидную в тексте. Сюрприз. 1. Неожиданный подарок. *Хлопушка с сюрпризом. Ко дню рождения приготавливаемы были сюрпризы – какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. Гоголь, Мертвые души.* 2. разг. Неожиданное событие, обстоятельство; неожиданность. <...> *вот это сюрприз! – восклицают молодые люди. Салтыков-Щедрин, Господа ташкентцы* [МАС, 1988].

Сюрприз. 1. То же, что неожиданность. *Его приезд приятный с. Вот так с.!* (выражение удивления). 2. Неожиданный подарок. *Преподнести с. ко дню рождения* [Ожегов, Шведова, 1992].

Метафоро-метонимическая аллюзия *в ее средневековой душе* намекает на жестокие гонения, погубившие немало талантливых людей не только в средние века. Предварительно Василиса опосредованно сопоставляется (на основании присутствия в человеке *нравственного*

содержания) с отцом Елены, который эксплицитно уподобляется Л. Толстому, а он, в свою очередь, опосредованно, но указанному признаку, мысленно соотносится с Христом. В воспоминаниях Елены об этом говорится так: *Он [отец Елены], как Толстой, не признавал чудес и всякой мистики, для него главным было нравственное содержание. И Христос был идеалом нравственности. Я теперь смотрю на это вроде бы с улыбкой, потому что у меня постоянно перед глазами наша Василиса, у которой нравственного понятия нет ни малейшего, она так и говорит – это по-божьюму, это не по-божьюму, и никаких размышлений о добре и зле, одним своим глупым сердцем определяет. У папы же была на все теория* [Улицкая, 2015. С. 117].

Глупое сердце Василисы попало на идеологический крючок о тайных врагах – так же, как и у многих других в то время людей, о чём свидетельствует горькая (с энантиосемическим подтекстом) реплика главного героя: *Отвращение к жизни захлестнуло его. Он помрачнел, обвис: – Великий народ, черт бы его побрал...* [Улицкая, 2015. С. 147].

Упоминание о губительных лагерях репрессированных становится компаративным мериллом сверхтяжёлого физического состояния персонажа, например: *Он [Илья Гольдберг] физически развалился, исхудал до самого лагерного состояния. Спасался одной только работой, которую взвалил на себя без всякой меры* [Улицкая, 2015. С. 171]. Местоименная частица *самый* указывает на семантику суперлатива (*самый большой, самый добрый*), пространственный предлог *до* поддерживает это значение (Ср.: *до самого неба; от головы до самых пяток*).

Имплицитное уподобление может проявиться в рамках эксплицитно представленного компаратива с метафорическим компонентом, который считывается со знаком «минус». Так, в следующей фразе в сравнительном обороте *как травка на весенней помойке* первый компонент проявляет в языке как бы шаткую положительную коннотацию: *весенняя травка* ещё слабая, неустойчивая, а слово *помойка* – отрицательную: *Словом, чувство русской метафизической тоски, которая пробила, как травка на весенней помойке, после разрешительного Двадцатого съезда...* [Улицкая, 2015. С. 357]. Отрицательное считывание метафоры *помойка* (с намёком на неблагоприятность многих проявлений в годы советской власти) дополняется скрытой иронией насчёт *чувства русской метафизической* (не опирающейся на жизненный опыт) *тоски*, скрытого недоверия к полной (*травка* – ещё пока слабая надежда) «разрешимости» (после XX партийного съезда) проблем.

На протяжении всего очень объёмного (511 с.) романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» постепенно декодируется расширенно-метафорический первый компонент заголовочного слова *казус*, семантика которого не сводится к словарным дефинициям: Казус. 1. Сложное, запутанное дело в судебной практике. 2. Происшествие, событие, случай [МАС, 1988] – и остаётся не полностью разгаданной загадкой даже для внимательного читателя. Заголовочная метафора *казус* на протяжении всего текста романа кодирует всю многогранную жизнь (неотъемлемую, конечно, от судеб самых близких ему людей) и её несчастливый конец Павла Алексеевича Кукоцкого, что только опосредованно связано с некоторыми семами, указанными в двух словарных дефинициях (*происшествие, случай; сложность, запутанность*), к которым ещё в словаре Д. Н. Ушакова добавляется медицинское значение, косвенно значимое для данного текста (3. Частный случай той или иной *болезни* [Ушаков, 1940]).

Итак, наблюдение опосредованно выраженных уподоблений в языке Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» обнаружило одну из заметных черт индивидуального стиля писателя – склонность автора к смелым ироническим и саркастическим выпадам по отношению к персонажам, намекающим на тех людей, которые в годы советской власти были причастны к моральному и физическому истреблению интеллигенции, защищали псевдонаучные теории в угоду марксистской идеологии, были гонителями новых научных знаний в области медицины и генети-

ки. В связи с этим в тексте присутствуют имплицитные сравнения, которые считаются со знаком «минус». Этому способствуют метафоро-метонимические употребления, лексические повторы, антонимы, алогизмы, оценочная энантиосемия, словесная игра на ассоциативно-словообразовательной основе, аллюзии, использование «образцов» советской риторики с «модусом важности».

Вкрапление публицистических фрагментов (что не совсем соответствует активно изучаемому сейчас «женскому письму»), в которых при помощи косвенных уподоблений как бы призывается сохранять *нравственные понятия*, не подавляет, однако, уникальное художественное мастерство автора в тропическом изображении характеров главных героев и связанных с ними событий недавнего времени в нашей стране.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д.** Метафора // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997. С. 233–236.
Arutyunova N. D. Metafora [Metaphor]. Russkii yazyk. Entsiklopediya [Russian language. Encyclopedia]. Ed. by Yu. N. Karaulov. Moscow, Drofa Publ., 1997, p. 233–236. (in Russ.)
- Берков В. П.** Компаративность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Под ред. А. В. Бондарко (отв. ред.). СПб.: Наука, 1996. С. 107–160.
Berkov V. P. Komparativnost' [Comparativeness]. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Kachestvennost' Kolichestvennost' [Theory of Functional Grammar: Quality. Quantity]. Ed. by A. V. Bondarko. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1996, p. 107–160. (in Russ.)
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.** Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. С. 5–17.
Gulyga E. V., Shendel's E. I. Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke [Grammatical-Lexical Fields in Modern German]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969, p. 5–17. (in Russ.)
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1985–1988 [URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.02.2018)]**
Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, AN USSR Institute of the Russian Language, 1985–1988. (in Russ.) Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed 10.02.2018)
- Москвин В. П.** Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 200 с.
Moskvin V. P. Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii [Russian Metaphor. Essay on Semiotic Theory]. Moscow, LKI Publ., 2012, 200 p. (in Russ.)
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1949–1992 [URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.02.2018)]
Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, Az Publ., 1949–1992. (in Russ.) Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed 10.02.2018)
- Петроченко Л. А., Федеряева Н. О.** О способах выражения категории компаративности // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Серия: гуманитарные науки (филология). 2006. № 9 (60). С. 45–51.
Petrochenko L. A., Federyaeva N. O. O sposobakh vyrazheniya kategorii komparativnosti [On the Methods of Expressing the Category of Comparativeness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki (filologiya)* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Humanitarian Sciences (Philology)], 2006, no. 9 (60), p. 45–51. (in Russ.)
- Резанова З. И., Комиссарова О. В.** Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика, анализ, типология // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 80–90.
Rezanova Z. I., Komissarova O. V. Metafora v modelirovanii gendernykh oppozitsiy: metodika, analiz, tipologiya [Metaphor in Modeling Gender Opposition: Methods of Analysis, Typology]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2012, no 2 (18), p. 80–90. (in Russ.)

- Скворецкая Е. В.** Компаративность: из истории средств выражения сравнения в русском языке // Семантический и прагматический аспекты высказывания. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. С. 26–36.
Skvoretckaya E. V. Komparativnost': iz istorii sredstv vyrazheniya sravneniya v *russkom yazyke* [Comparativeness: from History of Means of Expression of Comparison in Russian]. Semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty vyskazyvaniya [Semantic and Pragmatic Aspects of the Utterance]. Novosibirsk, NSPI Publ., 1991, p. 26–36. (in Russ.)
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940 [URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.02.2018)]
Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, Sov. entsikl.: OGIZ Publ., 1935–1940. (in Russ.) Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed 10.02.2018)
- Трипольская Т. А.** Модусное значение «важности» и способы его выражения // Модальность в ее связях с другими категориями: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И. П. Матханова. Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 27–33.
Tripol'skaya T. A. Modusnoe znachenie «vazhnosti» i sposoby ego vyrazheniya [Modus Meaning of Importance and Ways of Expressing It]. Modal'nost' v eye svyazyah s drugimi kategoriyami: mezhvuzovskiy sbornik nauch. trudov [Modality in its relations with other categories: interuniversity collection of scientific works.]. Ed. by I. P. Matkhanova. Novosibirsk: NSPI Publ., 1992, p. 27–33. (in Russ.)
- Улицкая Л. Е.** Казус Кукоцкого. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. 511 с.
Ulitskaya L. E. Kazus Kukotskogo [The Kukotsky Enigma]. Moscow, AST, Elena Shubina Publ., 2015, 511 p. (in Russ.)
- Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург, 2001. 238 с.
Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory [Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor] (1991–2000). Ekaterinburg, 2001, 238 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
29.05.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Ли Яньфэн, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилуйская 28, Новосибирск, 630126, Россия, liyanfeng@yandex.com); преподаватель, Гуансиский медицинский университет (ул. Шуаньюн, 22, Наньнин, 530021, КНР)
Li Yanfeng, Post-graduate, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, liyanfeng@yandex.com); teacher in Guangxi Medical University (22 Shuangyong Str., Nanning, 530021, China, liyanfeng@yandex.com)